
ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323 (470+571)

*Е.Ф. Молевич****РУССКИЙ ВОПРОС В РОССИИ**

В статье исследуется уникальное своеобразие положения русского народа в структуре межнациональных отношений современной России, выясняются исторические – с советских времен, а также современные причины сложившейся в Российской Федерации дискриминируемости русского народа, ее реальная многоплановость и эволюция. Анализируются теоретическое содержание понятия «русский вопрос» и двойственная природа – внутренняя и внешняя – его существования.

Ключевые слова: «национальный вопрос», специфика межнациональных отношений в современной России, «асимметричный федерализм», «дискриминируемое большинство», «русский вопрос».

Под «национальным вопросом» в мировой науке с середины XIX в. понимается ситуация социальной ущемленности, социальной дискриминированности каких-то национальных меньшинств в многонациональных странах, что и обуславливает активную борьбу указанных меньшинств за преодоление этой ущемленности – собственно «национальный вопрос».

«Русский вопрос», являясь несомненным национальным вопросом, под данное определение тем не менее не подпадает. Ибо связан с социальной ущемленностью и многосторонним социальным неравенством не какого-то национального меньшинства в данной многонациональной стране, а наоборот, с социальной дискриминацией и реальным неравноправием государствообразующего национального большинства населения данной страны – России – русского народа, составляющего, кстати сказать, целых 80 % ее населения. И вот такого «национального вопроса», многостороннего ущемления социальных интересов абсолютного национального большинства населения данной страны мировая история еще не знала, Россия в очередной раз продемонстрировала свою уникальность, свой «особый путь».

Правда, у «русского вопроса» есть и вполне обычная, традиционная форма его выраженности как национального вопроса. Она связана, к сожалению, со сложивши-

* © Молевич Е.Ф., 2014

Молевич Евгений Фомич (emolevich@mail.ru), кафедра социологии и политологии, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

мися во многих новообразовавшихся после распада СССР государствах – в Прибалтике, Средней Азии, Кавказе, на Украине – разнообразными проявлениями национальной дискриминации русского населения, иногда веками жившего на данных территориях – в Новороссии, Южной Сибири, Кавказе. Но это – тема для отдельного разговора. Мы же сейчас сосредоточимся на внутрироссийском аспекте этого национального вопроса – «русского вопроса в России».

И его наличие, как и вообще специфика межнациональных отношений в современной России, во всем главном предопределяется принципиальным, присущим только России своеобразием сложившихся в ней федеративных отношений, их т. н. «асимметричностью». Последняя представлена специфическим сочетанием двух типов составляющих Российскую Федерацию субъектов федерации: административно-территориальных образований, их сегодня около полусотни, и все они преимущественно русскоязычны, и национально-территориальных образований, их сегодня около трех десятков. И формальное отличие последних – их выделение в качестве субъектов федерации не по регионально-территориальному признаку – Алтайский или Приморский край, Московская или Самарская области, а по национальному признаку, т. е. наличию этноса, «коренного» по проживанию на данной территории. Поскольку само название таких национальных регионов традиционно предопределяется названием данного коренного этноса – Татарстан, Чувашия, Мордовия и т. д., то дающий такое название своему региону этнос получает при этом неофициальный, ибо он не имеет правового закрепления, но прочно утвердившейся в массовом общественном сознании статус т. н. «титულიной нации».

Но специфику российских федеративных отношений составляет не сам факт выделения определенных субъектов федерации по национальному признаку, это как раз весьма распространенный в мире тип федеративной организованности, т. н. «этнофедерализм». Глубоко специфично для России то, что национально оформленные образования при формальном равенстве конституционных статусов всех субъектов Российской Федерации на деле, в сложившейся практике общественной жизни России, оказываются гораздо «равнее» своих административно-территориальных партнеров, напомним, с их преимущественно русским населением. Вслушаемся в этой связи в слова известного российского политика и государственного деятеля Дм. Рогозина: «Еще с ельцинских времен формальный и фактический статус отдельных национальных республик выше, чем собственно русских регионов. Эти республики имеют определенные преференции и льготы» [1, с. 13], многие из которых были официально зафиксированы еще в начале 90-х годов в ходе подписания т. н. «соглашений о разграничении управленческих функций» между федеральным центром и данными национально-территориальными образованиями. И тем самым в стране и сложился удивительный для современного мирового сообщества феномен «асимметричной федерации, субъекты которой имеют неравные права по сравнению друг с другом» [2, с. 844].

И рождаемые этой исключительной особенностью российского федерализма острейшие межнациональные проблемы оказываются также очень специфическими по своей конкретной представленности. И «русский вопрос» одно из прямых этому свидетельств. Его абсолютная уникальность для всей мировой истории именно в том, что, как выше уже отмечалось, совсем нередкая для этой истории практика национальной дискриминации отдельных народов в истории Европы, например евреев или цыган, в условиях современной России оказалась распространенной не на какое-то третируемое национальное меньшинство, «нацменов», а на абсолютное большинство русского населения – русский народ, объективно уже несколько столетий выступающий государствообразующей нацией российской государственности. Еще раз дадим слово Дм. Рогозину: «Русские... находятся в России в положении социально и

этнически дискриминируемого большинства... Положение русских, русский вопрос – вот главный нерв современной российской политики» [1, с. 13]. И с этими словами Дм. Рогозина напрямую перекликаются следующие строки из программного документа КПРФ: «Коммунистическая партия считает, что ключевой проблемой современного российского общества является русский вопрос – вопрос о положении русского народа в России» [3, с. 2].

Казалось бы, как в здравом уме и твердой памяти вообще возможна такая постановка вопроса – «О положении русского народа в России»?! Оказывается, не только возможна, но и просто необходима, ибо «быть русским в «демократической» России не просто тяжело. Быть русским – еще и унижительно. Это не престижно» [4, с. 17]. Спрашивается, почему же это так? А потому что «русские не чувствуют себя хозяевами в собственной стране. Такое самоощущение парадоксально уже в чисто математическом отношении, поскольку русские составляют 80 процентов населения страны» [5, с. 3].

Конкретно эта «математическая парадоксальность» национальной ущемленности социального статуса русских заявляет о себе очень многопланово.

И прежде всего в уже известной нам форме фактического неравенства межсубъектных статусов и отношений с их ярко выраженной разносторонней приниженностью всех остальных, русскоязычных по своему национальному составу, регионов. Национальные образования имеют реальные преимущества в налогообложении, федеральных дотациях¹ [6], в разграничении управленческих функций между федеральным центром и субъектами федерации и т. д.

Причем эта специфическая ситуация не была изобретением собственно российских властей, она была унаследована от прошедших советских времен. Дело в том, что в СССР проводилась политика «выравнивания уровня социально-экономического и культурного развития» советских народов. И реализовывалась эта политика, в частности, путем перераспределения ресурсов из центральных областей РСФСР на национальные окраины страны. Сразу же после образования СССР в рамках союзного бюджета был образован союзно-республиканский дотационный фонд, целиком формировавшийся за счет средств РСФСР. И уже в 1925 г. Председатель совнаркома РСФСР А.И. Рыков, соглашаясь с тем, что «выравнивание» может быть только за счет РСФСР, предлагал, тем не менее, установить определенный «предел» этой перекачке средств. Ибо «теперь наблюдается такое положение, что в отношении местного бюджета значительно хуже в Центрально-земледельческом районе, чем на окраинах» [7, с. 147]. «Можно ли идти дальше этого?» – искренне вопрошал Предсовнаркома [7, с. 147] Оказалось, можно! «Иван Силаев, став летом 1990 г. Председателем российского правительства, обнаружил, что в течение всех лет советской власти РСФСР ежегодно направляла на развитие союзных республик по 46 млрд рублей в год, что составляло более 30 % ежегодного российского бюджета» [8, с. 3]. В разгар перестройки обнаружилось также, что потребленный ВВП в расчете на одного человека в РСФСР составил 0,67 от произведенного продукта, а вот, например, в Грузии – 3,95, т. е. в четыре раза больше произведенного! Естественный и очень горький вопрос: а за счет кого это было возможно? И в этой связи нельзя не согласиться с мнением известного российского публициста С. Маркова: «Мы в большом долгу перед русскими историческими областями: Владимирской, Новгородской, Рязанской. Именно они много столетий тащили вперед Россию.... И они обезлюдили, там очень низкий уровень жизни, очень слабое финансирование. Надо отдать им исторический долг» [9, с. 4]. Да, действительно надо. Но ведь не отдаем.

Другая сторона «русского вопроса» еще болезненнее. Она связана с тем, что лишь в отдельных национальных образованиях «титულიное» население имеет большинство,

во всех остальных оно в меньшинстве, во многих случаях – абсолютном². Но «Россия – страна парадоксов. Только у нас принадлежать к национальному меньшинству выгоднее, чем к национальному большинству» [10, с. 107]. Но для знакомых с реальной практикой жизни в национальных регионах ничего парадоксального здесь нет. Ибо им хорошо известно сложившееся опять-таки еще в советские годы общее правило жизни в этих регионах, устанавливающее безусловный статусный приоритет именно титульного населения региона во всех сферах его общественной жизни, и, конечно, прежде всего, в административно-управленческой и экономической сферах³ [11, с. 12]. Реакция на это титульного населения вполне очевидна. И мы можем, в частности, вполне наглядно судить о ней по несколько неожиданному факту – предпочтительности выбора национальной идентичности детьми смешанных браков в национальных образованиях: «Если ранее выбор в абсолютном большинстве случаев делался в пользу русской национальности, то в настоящий период предпочтения чаще отдается титульной для региона проживания респондента национальности» [12, с. 52].

Но еще нагляднее – и во многих случаях просто трагична – другая очень показательная реакция русского населения национальных регионов на сложившуюся ситуацию его открытой социальной дискриминации – массовый «исход» русских из национальных образований в 90-х годах, местами переходивший в их прямое бегство. Только из Якутии в те годы выехало 160 тыс. человек, общая же величина этого «исхода» – около 700 тыс. человек, практически десятая часть русского населения этих регионов. А удельный вес русского населения в общей массе населения этих регионов к началу нового века упал, например, в Туве с 32 до 20 %, в Северной Осетии с 32 до 23 %, а вот в Чечне и Ингушетии так даже в 10–12 раз! «Существенное ослабление русской нации в республиках Российской Федерации остается серьезным фактором, подрывающим ее государственнообразующую роль и серьезно усугубляющую прогрессирующее снижение роли русских как титульной нации в масштабах страны в целом» [13, с. 77].

Но все это проблемы, так или иначе унаследованные от нашего советского прошлого. Собственно современный аспект «русского вопроса» сформировался совсем недавно вместе с рождением на рубеже веков массовой миграции населения северокавказских республик, за считанные годы охватившей практически всю страну. И не просто «охватившей», а поставившей всю страну впервые в ее истории перед лицом быстро формирующегося общегосударственного национального конфликта. «Пора признать, – пишут авторы книги с очень выразительным названием: «Россия не для русских? Косовский сценарий в Москве», что линия особого напряжения проходит в основном между «местными» россиянами и россиянами – выходцами с Северного Кавказа» [14, с. 147]. «Местные россияне» – это совсем не обязательно русские. В последние годы наблюдались разнообразные конфликты с активным участием в них калмыков, татар, чувашей и даже бурятов и якутов. Но прежде всего и главным образом «местные россияне» это, конечно, русские, напомним, что именно они составляют 80 % населения России⁴ [15, с. 7]. Спрашивается, а что же родило в наши дни эту новую для нас напасть? И в данном случае в ее основе ничего уникального, сработали общемировые глобализационные процессы становления с конца прошлого века нового вида массовой миграции – из стран и регионов с отсталой аграрной экономикой и органично с нею связанными высокой рождаемостью и минимальными ресурсными возможностями, в страны и регионы высокоразвитые и с хорошими условиями жизни. И при этом, к счастью мигрантов, это страны с установившейся низкой рождаемостью и соответственно, депопуляцией, а значит, и с повседневной потребностью в притоке рабочей силы извне. Казалось бы, при таком совпадении взаимных интересов должна иметь место сплошная гармония. Но вместо нее повсе-

местно во всех развитых странах мира уже несколько десятков лет, имеющих дело с этой миграцией, становление и развитие острейшего национального конфликта. Естественный вопрос: а почему это так? Ответ везде одинаков: «понаехавшие» — люди совсем другой, неевропейской культуры и при этом в массе своей категорически не желающие с ней расстаться и приобрести хотя бы какие-то чисто внешние черты европейской цивилизованности. Более того, многие из них хотели бы и самих местных жителей заставить жить по привычным для приезжих канонам. «Они забывают, что это они к нам приехали, а не мы к ним», такой крик души переполняет жизнь всех современных развитых стран мира.

Но вернемся в Россию. Выходцы из кавказских республик «довольно-таки часто проявляют неуважение к жителям центральных российских мегаполисов, демонстративно нарушают русские культурные стандарты и нормы общепринятого поведения» [1, с. 13]. Вот несколько типичных зарисовок: «Когда после нескольких бессонных ночей мой собственный интерес к музыкальной культуре Северного Кавказа был удовлетворен до предела, я спустился в кафе и напомнил бармену, что он все же не у себя в ауле, а в Москве, в которой, кстати, только что принят закон об охране тишины в ночное время. В ответ мне было спокойненько так сказано: «Мае кафэ — это не Масква! [16, с. 7]. Или вот обычный московский многоквартирный дом, заселенный обычными москвичами. И свои автомашины они привыкли парковать рядом с домом. Но вот в последние годы многие квартиры оказались купленными «лицами кавказской национальности». После чего последовало требование: убрать автомашины, теперь здесь будут наши машины, кавказцев. Реакция жильцов — насмешливо удивленная. До следующего утра, когда все их машины оказались с проколотыми шинами «Пришельцы ... не стесняются в демонстрации своей силы, не скрывают своего презрения к нам, туземцам» [16, с. 7]. В той же Москве «уже есть районы, населенные преимущественно выходцами из кавказских республик. Они, эти выходцы, наши, российские, «рожденные в СССР». Но русским парням вечером там лучше не появляться» [17, с. 11].

И тогда возникает еще один естественный вопрос: как нам всем «местным россиянам» реагировать на это? И очень четкий ответ мы находим у В.В. Путина: «Тот, кто приезжает в регионы с другими культурными, историческими традициями, должен с уважением относиться к местным обычаям, к обычаям русских и всех других народов России. Всякое другое неадекватное, агрессивное, вызывающее, неуважительное поведение должно встречать соответствующий законный, но жесткий ответ, и в первую очередь со стороны органов власти, которые сегодня часто просто бездействуют» [18, с. 2].

И здесь мы вышли на еще один, и, может быть, самый важный болевой нерв «русского вопроса» — правовую неопределенность и подвешенность общегосударственного статуса русского народа в России. Ибо, с одной стороны, как мы уже не раз отмечали, он составляет несомненное большинство населения России — его целых 80 %, и объективно уже несколько веков исполняет роль государствообразующего народа в российской государственности. И этот факт недавно был публично подтвержден Президентом России В.В. Путиным: «Русский народ является государствообразующим по факту существования России» [18, с. 2]. Но, с другой стороны, даже эти важные слова Президента — это только слова, его частное мнение. На официальном конституционно-правовом уровне этот безусловный государствообразующий статус русского народа, т. е. народа, вне которого нет России, нигде не зафиксирован и поэтому остается с правовой точки зрения «совершенно ничтожным». И в этой связи любая защита конкретных интересов русских в массовом общественном сознании и публицистике, по общему правилу, воспринимается как «национализм» и даже,

к сожалению, часто как «фашизм», что, конечно, в обеих этих формулировках, мягко говоря, неграмотно. В правовом же поле любая попытка подобной защиты сразу же безнадежно зависает в воздухе. Причем сказать, что в официальных российских структурах не осознают всю негативность сложившейся в данном отношении ситуации, нельзя. Предоставим еще раз слово Президенту РФ: «Когда речь заходит о том, что в России ущемляются права русских, это говорит о том, что государственные структуры не выполняют своих прямых задач – не защищают жизнь, права и безопасность граждан» [18, с. 2]. Ну что же, точнее и лучше, по-видимому, не скажешь. Но здесь, опять-таки, в очередной раз возникает прямой вопрос: когда же «государственные структуры» не на словах, а на деле приступят к правовому обеспечению интересов русских?

Причем речь не идет о представлении русским каких-то особых, выделяющих их прав. Снова слово дадим Д.О. Рогозину: «Специально подчеркну для боязливых и плохо слышащих: не о каких-то привилегиях и преимуществах для русских идет речь, а о равноправии и справедливости. Равноправие для русских и справедливость для всех – вот главное требование русского народа ... Разве в принципах равноправия и справедливости есть что-нибудь обидное, унижающее другие народы или противоречащее их интересам» [1, с. 13].

О необходимости конституционно-правового разрешения «русского вопроса» с реальным выравниванием прав всех субъектов Российской Федерации, с безусловным признанием статусного равноправия всех граждан национальных образований вне какой-либо зависимости от их национальной или религиозной принадлежности, за официальное признание на законно-дательном уровне государствообразующего статуса русского народа в современной России многократно высказывались в своих программных документах КПРФ и ЛДПР, многие политические и государственные деятели. И еще раз в этой связи дадим слово В.В. Путину: «Все должны соблюдать наши законы в одинаковых условиях при одинаковом подходе ... независимо от национальной, этнической и религиозной принадлежности [19, с. 26]. Очень правильные и нужные слова. Осталось немного: воплотить их в жизнь.

Примечания

¹ В 2011–2012 годах доля федеральных вливаний в региональные бюджеты составляла: в Чеченской республике – 87 %, Ингушетии – 84 %, Дагестане – 74 %, Северной Осетии – 59 %, а вот, для сравнения, в Воронежской области – 30 %, в Рязанской области – 32 %. Федеральные дотации в расчете на душу населения в соответствующих регионах выглядят еще поразительнее: в Чеченской республике – 10 307 руб., в Ингушетии – 12 854 руб., Дагестане – 11 092 руб., а вот в Воронежской области – 2 998 руб., в Рязанской области – 1 993 руб.

² Так, например, на рубеже XX–XXI веков удельный вес титульного населения Башкирии – 29 %, Коми – 23 %, Хакассии – 12 %, Карелии – 15 %. Своеобразный рекорд в указанном отношении демонстрирует Еврейская автономная область – аж целых 1 % населения!

³ «Русские составляют половину населения Татарстана, но в элите почти не представлены. В правительстве только 2 министра из 19 – русские. Президент, госсекретарь, премьер-министр, глава Верховного суда, глава парламента – все татары».

⁴ Перечислим основные конфликты на национальной почве последних лет: Сальск (2006 г.), Кондопога (2006 г.), Ставрополь (2007 г.), Манежная площадь (Москва, 2010 г.), Сагра (2011 г.), Пугачев (2013 г.), Бирюлево (Москва, 2013 г.). «Простыми убаюкиваниями про “рядовой бытовой конфликт” людей уже не успокоить. Хотя бы по той причине, что в этих действительно зачастую бытовых конфликтах почему-то только одна из сторон достает и применяет ножи. И это уже традиция...».

Библиографический список

1. Аргументы недели. 2011. 15 сент..
2. Новая российская энциклопедия. Т. 1. М., 2003. 959 с.
3. Резолюция X съезда КПРФ // Волжская Заря. 1989. 13 июля.
4. Жириновский В.В. Русский вопрос: пути решения. М., 1997.
5. Иванов О. Цена и ценности // Литературная газета. 2014. № 24.
6. Аргументы и факты. 2012. № 42. С. 8–9.
7. XIV конференция РКП(б). М., 1925.
8. Литературная газета. 2014. № 6.
9. Московский комсомолец. 2014. 23 янв.
10. Жириновский В.В. Русский вопрос: внутривнутриполитические аспекты // Вестник Московского университета. Сер. Социология и политология. 1998. № 1.
11. Аргументы недели. 2012. 24 мая.
12. Алексахина Н.А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 49–54.
13. Перегудов С.В. «Русский вопрос» в контексте этнонациональных отношений в Российской Федерации // Политические исследования. 2013. № 3.
14. Полторанин К. Россия не для русских? Косовский сценарий в Москве. М., 2013.
15. Комсомольская правда. 2013. 16 окт.
16. Известия. 2002. 13 нояб..
17. Комсомольская правда. 2005. 27 мая.
18. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.
19. Путин В.В. Выступление на конференции Общероссийского народного фронта // Аргументы и факты. 2-13. № 50.

References

1. *Argumenty nedeli*, 15.09.11 [in Russian].
2. New Russian encyclopedia. Vol. 1. M., 2003, 959 p. [in Russian].
3. Resolution of X congress of CPRF. *Volzhskaja Zaria*. 13.07.89 [in Russian].
4. Zhirinovskiy V.V. Russian question: ways of solution. M., 1997 [in Russian].
5. Ivanov O. Price and Values. *Literaturnaia gazeta*. no. 24/14 [in Russian].
6. *Argumenty i fakty*, no. 42/12, p. 8–9 [in Russian].
7. XIV conference of Russian Communist Party of Bolsheviks. M., 1925 [in Russian].
8. *Literaturnaia gazeta*, no. 6/14 [in Russian].
9. *Moskovskii komsomolets*. 23.01.14 [in Russian].
10. Zhirinovskiy V.V. Russian question: domestic political aspects. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Sotsiologii i politologii* [Vestnik of Moscow University. Ser. Sociology and political science], 1998, no.1 [in Russian].
11. *Argumenty nedeli*. 24.05.12 [in Russian].
12. Aleksakhina N.A. Tendencies in changes of national identity of nations of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological researches], 1998, no.2, pp. 49–54 [in Russian].
13. Peregudov S.V. «Russian question» in the context of ethno–national relations in the Russian Federation. *Politicheskie issledovaniia* [Political researches], 2013, no.3 [in Russian].
14. Poltoranin K. Russia is not for Russians? Kosovan scenario in Moscow. M., 2013 [in Russian].
15. *Komsomol'skaia Pravda*. 16.10.13 [in Russian].
16. *Izvestiia*. 13.11.02 [in Russian].
17. *Komsomol'skaia Pravda*. 27.05.05 [in Russian].
18. Putin V.V. Russia: national question. *Nezavisimaia gazeta*. 23.01.12 [in Russian].
19. Putin V.V. Public speaking on the conference of All–Russia People's Front. *Argumenty i fakty*, no. 50/13 [in Russian].

RUSSIAN QUESTION IN RUSSIA

In the article the unique singularity of Russian nation in the structure of inter-ethnic relations of modern Russia, historical – from Soviet times, and modern causes of existing in the Russian Federation of discrimination of Russian nation, its real diversity and evolution are revealed. Theoretical content of notion «Russian question» and twofold nature – internal and external – of its existence is analyzed.

Key words: «national question», specificity of international relations in modern Russian, «asymmetrical federalism», «discriminated majority», «Russian question».

* *Molevich Evgeny Fomich* (emolevich@mail.ru), Department of Sociology and Political Science, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.